

Книги Владимира Мясоедова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

И ИМЯ МНЕ — ЛЕГИОН

Цикл
«НОВЫЕ ЭЛЬФЫ»

**НОВЫЕ ЭЛЬФЫ
РАСТУЩИЙ ЛЕС
МОРЕ СУМЕРЕК**

Цикл
«ИСКРЫ ИСТИННОЙ МАГИИ»

**ИСКРЫ ИСТИННОЙ МАГИИ
ВСПЛОХИ НАСТОЯЩЕГО ВОЛШЕБСТВА
ПЛАМЯ ПОДЛИННОГО ЧАРОДЕЙСТВА**

В соавторстве с Леонидом Кондратьевым

**ТОРГОВЕЦ
ЛЕДИ С КЛЫКАМИ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР МЯСОЕДОВ

ПЛАМЯ
ПОДЛИННОГО
ЧАРОДЕЙСТВА

РОМАН

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М99

Серия основана в 1992 году
Выпуск 785

Художник
С. А. Григорьев

Мясоедов В. М.

М99 Пламя подлинного чародейства: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 343 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1256-3

Судьба играет в странные игры со смертными. Молодой темный маг, землянин, попавший в другой мир, растерявший своих друзей и почти все силы, понял это на собственном примере, будучи вынужден отчаянно бороться за жизнь после обрушившегося на него несправедливого приговора. Но даже самое глубокое дно может стать новой точкой опоры, если приложить достаточно много стараний. А тех, в чьих душах горит пламя подлинного чародейства, любые испытания, которые не убивают сразу, делают лишь сильнее.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1256-3

© Мясоедов В. М., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

Барак изнутри больше всего походил на тюрьму. Толстые бревенчатые стены не имели ни одного окошка, свет внутрь проникал лишь через небольшие дыры в небрежно крытой крыше, на полу лежала гнилая солома, от которой разило ароматами выгребной ямы и нечистот. В паре мест виднелись норы, слишком большие, чтобы принадлежать мышам, а не крысам. И повсюду люди, вернее, мужчины. Сидели, лежали, стояли. Оборванные, изможденные, больше похожие на зверей. Нельзя сказать, чтобы их лица постоянно кривились в уродливых гримасах, ни капли не походящих на нормальные человеческие лица, вовсе нет. Во всяком случае, не у всех. Большая часть, напротив, выглядела умиротворенно и безучастно. Как коровы или овцы, пасущиеся в тесном загоне. Но имелись здесь и другие. Сосредоточившиеся на пяточках относительно свободного пространства (даже снабженного какой-то нехитрой мебелью вроде топчанов и лежанок), с порывистыми резкими движениями, несколько менее битые жизнью, судя по относительно нормальной одежде. Несколько человек демонстративно держали руки в непосредственной близости от ножен, оттягивающих их пояса. И почему-то при взгляде на этих людей виделась волчья стая, разделенная на несколько посто-

янно грызущихся друг с другом группок, но дружно загоняющая обреченную добычу себе на ужин.

Дверь распахнулась, и стражники, щеголявшие нашитыми на толстые куртки железными кольцами, принялись запихивать в барак новое пополнение.

— Свежачок, — сплюнул через дырку меж зубами один из тех, кто занимал привилегированные места. — Одна шантрапа. Никого из наших нет.

— С чего ты взял? — лениво осведомился у него самый крупный из находящихся здесь мужчин. На поясе его висел даже не нож, а скорее короткий меч. А одна из рук сжимала глиняную бутылку, на которую все остальные обитатели барака косились с нескрываемой завистью. Мочку уха говорившего украшала длинная деревянная серьга в виде весла, достающего лопастью до линии подбородка.

— Походка не та, — фыркнул его собеседник. — Те, которые вначале шли, явно дураки деревенские, наверно, сюда из-за неуплаты налогов угодили. За ними горожанин. А последний... Да никак к нам благородная птичка залетела! Ишь как нос морщит, значит, не привык нюхать, чем жизнь-то настоящая пахнет.

— К нам — и персона голубых кровей? — не поверил обладатель весла. — Нет, ты, Шнырь, конечно, знатный ворюга с глазом, на всяческих персон наметанным, но здесь явно дал маху. Даже признанного бастарда, провинись он по-крупному, скорее бы убили, чем в штрафной легион сунули под клинками да копьями настоящей армии помирать, злость и опыт в солдатиках воспитывая.

Стражники, закончив свое дело, вышли и, судя по глухому стуку, заперли дверь снаружи на тяжелый засов.

— Он колдун, — внезапно сказал единственный в их компании старик, разлепив до того молчавший рот.

На испещренное морщинами вдоль и поперек лицо свешивались седые космы, и оттого вид человек имел сильно неряшливый, даже несмотря на почти новую и не слишком грязную теплую черную куртку, болтающуюся на его худых плечах, как на скелете. — Темный. Совсем слабый. Служит кому-то из богов, но не Отцу Времен и не господину зла, владыке льда Сакраешу. Щенок!

И, подорвавшись с места, старик стремительной походкой направился к столпившемуся перед самыми дверями барака народу, почти ослепшему от резкой смены освещения. Люди с его пути разбегались, а если не могли из-за плохого состояния, то расползались. Будто не почти доживший свой срок человек шагал, на которого даже дышать боязно было, а нечто большое и страшное. Или просто страшное. К примеру, очень-очень ядовитая змея.

— Ну, щас начнется, — с довольным видом протянул хозяин длинного кинжала, приготовившийся смотреть увлекательное зрелище. — Не люблю колдунов, но Черм своих собратьев люто ненавидит. Прирезать бы его, да где взять другого? К нам чародеев бросают редко. Тем более чего-то стоящих, а не деревенских колдунов, без своих травок вообще ни на один фокус толком не способных.

— За что его вообще сюда отправили, знает кто-нибудь? — осторожно спросил названный Шнырем.

— Донос в инквизицию пришел, — пожал плечами еще один представитель элиты барака. — А она взяла да и проверила, правдив он или как обычно. Мы со стариком в одной партии сюда попали, слышал, что конвойные говорят. Держал Черм в доме какую-то демоническую дрянь, призванную сделать его сильнее. То ли младенца, живьем замороженного, то ли книгу, на коже челове-

ской написанную. На колесование не хватило, но к нам сюда его законопатили.

Дошедший до группы новичков старик времени на разговоры тратить не стал, с неожиданной для его внешности и возраста скоростью ударив в грудь высокого молодого мужчину, вряд ли перешагнувшего двадцатипятилетний рубеж. Впрочем, чародеи, как правило, имеют весьма особые отношения и с детством, и с взрослением, и со старостью.

— Все, готов жмурик, — вздохнул разочарованный быстрым окончанием зрелища обладатель татуировки, внимательно наблюдая, как новичок зажимает грудь, пробитую вылетевшим из широкого рукава одеяний седого колдуна кинжалом. А оружие, рукоять которого не сжимали ничьи руки, словно живое, метнулось к горлу отшатнувшегося к закрытой двери мужчины и вскрыло ему горло.

— Хе! — довольно крикнул, разворачиваясь спиной к упавшему на колени телу, Черм. — Сопляк! Даже защититься не попробовал.

Новички с испуганными криками шарахнулись от него в стороны на несколько шагов. Они бы и дальше с радостью удалились, но вот только некуда им было деваться.

— Видали, как я его? — залихватски спросил старик, неспешной походкой направляясь к тому месту, откуда встал, и списывая внимательные взгляды, устремленные ему за спину, на болезненное любопытство, которое люди всегда проявляют к зрелищу гибели своего соплеменника. Алые щупальца обвинили его затылок, нашарили глаза и, не обращая внимания на сдавленный взвизг и нелепое махание руками, вдавились внутрь двумя буравчиками.

— Братаны, это чего ж такое? — ошалело спросил Шнырь, но никто не ответил. Все ошеломленно смотре-

ли, как струи крови, выплеснувшиеся из смертельных ран молодого мужчины и преобразившиеся в чудовищные конечности, убивают седого волшебника. Узкий стилет со следами ржавчины на тонком лезвии, снова вылетевший из рукава, преодолев половину дистанции до цели, брякнулся вниз. Причем отпускать все реже дергающееся тело чародей-убийца совсем не спешил. Напротив, казалось, будто понемногу жуткие образования увеличиваются в размерах.

— Господа, — побулькал новичок рассеченным горлом и потеряв татуировку в виде искусно выполненной морской звезды на своей щеке. — И трупы. Чтоб вы знали, магам крови большой резерв в ауре не нужен. Мы за счет жизненных сил большей частью колдуем. А убить нас очень сложно. Во всяком случае, существам с теплой горячей кровью. Ибо она для таких, как я, оружие и лекарство одновременно!

Алые щупальца отдернулись от давно затихшего мертвеца, ощутимо уменьшившегося в размерах. Казалось, из него выкачали всю воду. Теперь он отличался от себя прежнего, как вяленая рыба от плещущихся в реке товаров. Кровь подползла к своему хозяину и быстро влилась в разрезы, тут же затянувшиеся. Не вся. Часть образовала вокруг усевшегося прямо в гнилую солому и закрывшего глаза человека идеально ровный круг, по внутренней границе которого равномерно расположились неведомые символы.

— Весло, чего делать будем? — тихо спросил у самого авторитетного в бараке вожака один из его прихлебателей. — Может, навалимся все сразу и...

Бандит осекся, скосив глаза на кинжал седого колдуна, вонзившийся в стену рядом с его ухом.

— А еще у нас невероятно острые чувства, — добавил маг. — И потому нападать рекомендую на сонного и кучей. Первых человек пять — семь, конечно, жаль, но у

остальных есть шансы на успех. Средние. Чем больше во-круг крови, тем мне лучше.

— Спокойно. — Главварь сначала потрогал рукоять меча на своем поясе, а потом длинную серьгу. — Черм давно нарывался, своих коллег душил, словно ласка курят. А этот колдун может стать полезным. И он опасен. Поговорим, посмотрим, а потом будем думать.

Кивнувший то ли ему в ответ, то ли самому себе волшебник затих, привалившись к стене почти у самого входа, откуда ощутимо тянуло холодом. Лишь губы его иногда шевелились. Умевший читать по губам Шнырь пытался разобрать, что он произносит, но потерпел неудачу. Звуки-то опытный и много раз битый жизнью вор различал, и даже в слова они складывались, но вот только не знал он такого языка.

«Наверняка какие-то демонические молитвы читает, — опасливо подумал преступник (убивший в доме, куда проник за добычей, двух маленьких девочек, проснувшихся очень не вовремя) и очертил руками священный круг, призванный оградить его от зла. — Но Весло прав. Такой сильный чернокнижник может стать полезным для нашего выживания».

— Что ж так больно-то, — шептали губы волшебника на русском языке, который в этом мире, кроме него самого, знали лишь двое. — Проклятье! Терпи, Виктор, терпи, не смей сознание терять! Как сердце дергает! Критический удар по горлу заживить оказалось как-то легче. Нет там особо сложных структур, одни только сосуды с кровью, трахея и кожа, но вот грудь... Стучи! Стучи, паразит с дырой в каком-то там желудочке! Без кислорода мозг загнется, а с ним пропадет сознание, которое магией гоняет кровь по телу, пока раны окончательно не заживут. Лишь бы эти урки не кинулись прямо сейчас, наплевав на циферблат, который я тут начертил.

Вокруг мага действительно красовался начерченный кровью круг, разбитый на двенадцать делений. С римскими цифрами. От татуировки на его щеке вовсю веяло морской свежестью, куда сильнее, чем от лежащего рядышком и медленно остывающего тела.

ГЛАВА 1

— Ровняйсь, вы, толпа отребья! — Громогласный голос центуриона Глая Цекуса разносился, казалось, на километры и, возможно, достигал звезд. Глотку сорокалетнего вояка, дослужившийся до далеко не самого низкого звания в армии Империи, имел луженую. Да и телом если и походил на колобка, то исключительно на колобка-убийцу. Пузо стоящего на трибуне оратора выдавалось вперед, словно корма ледокола, но руки, каждая толщиной с мое бедро, явно могли дотянуться куда дальше. Да и вопрос, сколько в том объемном животике плоти, а сколько железа. Свою уязвимую плоть высокое лагерное начальство прикрывало выпуклой кирасой ярко-желтого цвета, на вид весившей килограммов этак двадцать. Да и шлем с высоким гребнем, напыленный на голову, мог без особых проблем быть перекован в головку не слишком тяжелого молота. Или даже маленькой кувалдочки. Из рта военного шел пар. Холодно. Горы. Здесь всегда зима. Снега нет, но были бы лужи, они бы точно подмерзли.

— Пошевеливайтесь! — Легионеры, сгонявшие обитателей барака в одну единую толпу более-менее правильной формы, миндальничать с ними не собирались и пускали древки своих копий в дело по поводу и без оного. А если кто-то пытался сопротивляться грубому обращению, то за их спинами расположились немногочислен-

ные, но очень убедительно выглядевшие арбалетчики. Пока они еще никого не пристрелили, но, нет сомнений, при случае колебаться не будут. Заключенные примерно наполовину состояли из отборных отбросов человеческого общества, которые следовало бы прикопать на месте, да еще и кол им осиновый вбить в грудь на всякий случай. Остальным просто не повезло чем-то очень сильно вызвать на себя гнев властей. Налоги не заплатили, голодный бунт подняли, заговорщикам против императора в трактире кружку пива подали, маньяка поймали и кастрировали, а он местным судьей оказался. Историй за те двое суток, которые я провел на своем новом месте жительства, очень надеюсь временном, было рассказано превеликое множество. А обостренное восприятие — одно из немногих преимуществ, которыми наградила меня судьба, лишившая взамен куда большего.

— Запомните мои слова крепко, — провозгласил центурион, когда наконец решил, будто подотчетное ему стадо выстроено приемлемо для живых манекенов, призванных стать учебным материалом настоящих военных. — Вы не легионеры. Пока. Но у каждого, слышите, у каждого будет шанс стать настоящим солдатом!

Спасибо, но я и так неплохо жил, промелькнула в голове мысль. До одной паршивой ночи, когда решил погонять с кладбища, где подрабатывал ночным сторожем, сатанистов при помощи небольшого количества спецэффектов из проволоки, ниток и петард. И ведь все получилось. Только наутро некоторые странности в организме у меня и моих друзей, с которыми вместе дело организовывали, обнаружались. Я во время медитации обжег сам себя, слова Ярослава заставили мгновенно вырасти в несколько раз практически мумифицировавшийся кактус, а Артем едва не поставил новый мировой рекорд, приобретя аномально хорошую физическую форму. Такое пропустить три А просто не могло. Ну, так мы сами себя на-

зывали из-за созвучного начала данных друг другу кличек. Ярослава окрестили Алколитом. Артема — Ассасином. За уже тогда имевшуюся спортивную подготовку и любовь к дракам. Ну а мне, Виктору, досталась кличка Алхимик. Люблю возиться с разной ерундой, делающей в итоге громкое «Бам!». Или яркую вспышку. А лучше все сразу и вместе с ударной волной.

— Если отряд, в который вы войдете, будет неизменно демонстрировать успехи, — продолжал распинаться Глай Цекус, — то, клянусь, он будет переведен из числа смертников в состав настоящей армии! Но запомните, за каждого солдата, пострадавшего во время тренировок по вине учебного легиона, виновники будут ставиться в манипулы наказания! И сражаться с частями войск его императорского величества насмерть!

Интересно, как он себе такое представляет, а? — мелькнула в моей голове мысль. И стараться, и противников не трогать? Сомневаюсь, что нам выдадут резиновое оружие, тут и материал-то такой если и известен, то очень редким магам-алхимикам. Скорее всего заключенным впихнут в руки деревянные клинки, а вот тренирующимся на нас новобранцам — железное оружие и, напротив, будут требовать от них максимальной жестокости к врагу. Иначе смысла бы в таких учениях, с участием специально набранных живых кукол, не было бы вовсе. Неопасными макетами солдаты бы и друг с другом прекрасно махались. Нет, не в добрый час мы с друзьями повторно пошли на злосчастное кладбище. Мало того что снова сатанистов встретили в расширенном составе, так еще и в магические разборки ввязались. Обитающий на погосте призрак старого колдуна, на которого, как позднее выяснилось, и легло основное подозрение в том, что из-за его стараний три А стали сильными черными магами, схлестнулся с призванным сектантом демоном. В результате тот покинул поле боя, решив напоследок захватить с со-

бой утешительный приз — нас. Вот только домой в родную преисподнюю он не добрался.

— А тем из вас, кто решится на побег, — продолжал разглагольствовать оратор, — могу сказать только одно. Дерзайте! Лагерь учебного легиона окружен по периметру поселениями, где квартирует вся армия его императорского величества! Если кто-то сможет пробраться мимо всех их патрулей и дозоров, то помогать ему должны все демоны Ледяного Провала!

Один из таковых, кстати, и ответственен за то, что три А выжили, попав в этот мир.

— А еще есть у меня и хорошие новости, — обрадовал нас Глай Цекус. — Милостью его императорского величества в состав учебного легиона будут включены не только мужчины, но и женщины. Первая партия их прибудет дней через десять или двадцать.

Среди заключенных поднялся ошеломленный и не совсем цензурный ропот. Новость была настолько неожиданной, что с ходу в нее верить многие просто отказывались. У нас тут лагерь для смертников или альпийский курорт? Первое. А значит, зачем-то кому-то здесь понадобились представительницы прекрасного пола. Они, уверен, не первой свежести и точно такое же отребье, как большинство моих соседей, но ведь будут же! М-да. Совсем, видно, регент с ума сошел, завоевательный поход планируя. Хоть и поминает центурион владыку государства через слово, но правит страной давно уже заместитель якобы приболевшего монарха. И ему очень хочется возвращения древних дней и былой славы государства. Которое когда-то занимало едва ли не все изведенные территории, да еще и расширяться периодически пыталось. Раз солдат будут учить убивать и женщин, то дело, вероятно, совсем плохо. Такие легионы пройдут по земле, не оставляя за собой ничего живого. Чтобы не вырос-

ло новое поколение людей, способных возжелать независимости.

— А теперь вам придется поработать, — выдал наконец реальную причину, по которой людей выгнали из бараков на мороз, Глай Цекус. — В лагере еще нет храма. Как слуги Отца Времен будут без него хоронить погибших? А потому сейчас можете разобрать лопаты, и начнется стройка. И только попробуйте отлынивать! Запорю!

С этим жизнеутверждающим напутствием охрана погнала нас к совершенно пустому пространству, где были сложены какие-то ящики, видимо, с шанцевым инструментом, и прогуливались неспешным шагом, чтобы не околочень, человек десять, вероятно, мастера.

Без плана? Без фундамента? Завалится же все, подумал я, медленно шагая в толпе заключенных к назначенному месту. Впрочем, это не Земля. Могут и магией укрепить. А покойники, которых бросят без присмотра священника, имеют неплохие шансы встать в виде вечно голодных мертвецов. Мы таких, кстати, видели. И даже угрожали наделать подобных из жителей одной тихой, мирной лесной деревеньки, где нас пытались убить и ограбить. Впрочем, в скором времени мы стали ее владельцами одним интересным способом.

— Стой! Да стой же ты, отродье шакала!

Меня огрели по спине плетью. Сильно. Очень. Даже сквозь одежду проняло. Впрочем, та рванина, которую мне дали в тюрьме во время суда, такого гордого наименования вряд ли заслуживала. Развернувшись лицом к обидчику, я обнаружил двух монахов. Один из них определенно имел некоторые способности к святой магии, потому что при взгляде на его ауру слегка резало глаза, что являлось достаточно характерной особенностью, а второй был обычным человеком, он сжимал в руках рукоятку с прицепленными к ней кожаными ремнями.

— Ты, темный ведьмак и слуга морской богини. — Его оружие одновременно с констатацией очевидных фактов едва не ткнулось мне в нос.

Увы, но да. Отмечен этой сущностью, чтоб ей пусто было. В городе Колон, куда мы с друзьями переехали из той деревни, происходили странные события. Под раздачу попали и три А. Одному из нас крупно не повезло. В поисках излечения нам пришлось податься в заброшенный храм морской богини, ибо эта сущность исцеляет своих верующих практически от всего, а одну из местных религий принять все-таки надо было рано или поздно, чтобы быть спокойным за свою душу, в наличии которой сомневаться уже просто физически не получалось. Маги ее просто видят.

Каждому из нас она дала особое задание, чтобы заслужить ее покровительство.

— Чего молчишь, отребье? — вопросительно уставился на меня монах, не дождавшись ответа.

В душе вскипели гнев и обида. На судьбу. На богов. На архидемонов. На себя самого и друзей. Ведь в том, что я оказался здесь и сейчас в таком переплете, виноваты в том числе и мы сами. Послав морскую богиню с ее требованиями подальше, наше трио стало искать другие пути исцеления. И решилось на призыв архидемона Окреша.

— Если ударишь, убью, — пообещал я монаху, видя, как он замахивается плеткой, и заставляя кровь выступить из пор на коже и слиться в жуткое подобие маски. Пугающе и глаза защищает. Видеть, правда, сразу стало проблематично, но уж силуэты обоих церковников вблизи различались прекрасно. А за душу... за нее теперь опасаться было уже поздно. Вляпался. Стал жрецом морской богини. Когда Ассасин занял место Окреша, приняв похожее на демоническое обличье, и обрадовал своим визитом одну дроу, ожидающую прихода любовника из преисподней, то архидемон совсем взбесился. Нас бы просто

уничтожили, но тут вмешалась покровительница морей и океанов. Всех нас троих небожительница благословила одной пощечиной, приняв под свое крыло, и отдавать на растерзание просто так отказалась. До драки сверхсущностей из-за трех смертных не дошло. Они заключили между собой договор, не интересуясь нашим мнением ни в малейшей степени. Наши магические силы урезались. Вернее сказать, кастрировались. А дружный коллектив из трех А разъединили, и обидчики Окреша оказались засунуты в очень опасные места, тем не менее дающие шанс выжить. Я вот в учебный легион угодил. Если подумать, то это хуже, чем штрафной батальон Великой Отечественной. Мечом и копьем, как правило, убивают больше и больнее, чем снарядом и пулей.

— Не солгал донос, — хмыкнул второй монах, неуловимым глазу движением лова кончик уже занесенной для удара плетки. — Маг крови. Редкая птица. Ты как сюда попал, ведьмак? В жизни не поверю, чтобы такая персона совершила то, что написано в приговоре, и столь глупо попала. И не лги! Мне Отцом Времен...

— Тебе даровано право отличать истину от лжи, — продолжил я за него. Сталкивался уже с подобным фокусом в исполнении церковника. Тот, кто им владел, отец Фоул, правда, аж целым настоятелем монастыря числился. В принципе вполне приличный был тип, не без странностей, хотя фанатики по определению к нормальным людям не относятся. Блин, и чего ж ему сказать-то? А впрочем... — Ты слышал про обычай моей покровительницы давать своим слугам трудновыполнимые задания? — уточнил я.

— Конечно, — кивнул тот. — Изучение особенностей культов, способных совратить умы прихожан, входит в базовый курс теологии. И ты, вижу, уже одно такое выполнил, раз стал ее жрецом, ибо слуг своих она принимает только лично.

— Так вот она пожелала, чтоб я был здесь. — Такой ответ в принципе абсолютно точен. После договора небожительницы с архидемоном очнуться мне довелось уже в тюрьме. Да и приговор, уверен, был согласован в высших сферах загодя, уж слишком он суровым оказался. — Выживу и смогу кое-чего добиться, получу в награду увеличение магических сил.

И это верно. Как минимум прежние способности должны вернуться. А ведь раньше удавалось без проблем летать, одновременно жонглируя при помощи телекинеза несколькими валунами, сравнимыми по весу с человеком. Сейчас же даже нож поднять и кинуть силой мысли крайне тяжело. Резерв в ауре равен, возможно, одной сотой того, чем я владел несколькими днями ранее. А ведь еще морской богиней была требована с Окреша какая-то награда, которую тот обязуется выплатить пережившим его испытания. Если они вообще будут.

— Ее любопытство порой принимает весьма изощренные формы, — согласно кивнул монах с плетью, делая вид, будто это не он пускал ее в ход вот только что. — Особым эдиктом церкви приказано вашу веру считать умеренно еретической, но исповедующих ее не притеснять сверх необходимого.

Ну и пассаж! А немножко беременным, по мнению специалистов по законотворчеству, быть можно?

— Во-первых, проповедовать тебе запрещается под страхом сурового телесного наказания, — сказал тот из церковников, который владел святой магией. — За каждого утратившего свет истинной веры будет назначено тридцать, нет, тридцать пять плетей!

Я от двух десятков, прописанных судьей, чуть в могилу не отправился. А шрамы бы и сейчас еще болели, если бы не магия крови, прекрасно лечащая (вместе с проступившей на щеке после удара богини татуировкой) всевозможные повреждения. Молитв не требовалось. Одно

лишь желание исцелиться. И тут же от рисунка начинало пахнуть морем, а раны закрывались на глазах. К счастью, после произошедших событий осталась возможность распоряжаться жизненной энергией, которая всегда мне легко подчинялась. Вот только ее перерасход вызовет сильное недомогание или даже смерть. А потому придется колдовать очень-очень осторожно. Если, конечно, хочу найти друзей и расплатиться по долгам. Впрочем, идея агитировать потенциальную паству и в голову ни разу не приходила.

— Хорошо, — с готовностью кивнул я. — Еще какие-то проблемы?

— Исцелять обратившихся к тебе за помощью нельзя, — добавил священник с плеткой.

Звезду на щеке резануло жуткой болью. Причем в голове откуда-то возникло ощущение, что, если соглашусь, она усилится во много раз и не пройдет, пока не нарушу собственного слова, наплевав на возможные проблемы. Божественное вмешательство, чтоб его! Морская богиня никому не отказывает сразу. И от своих жрецов хочет того же. Хорошо хоть благотворительности не требует.

— Не пойдет, — покачал головой я. — Вы же отлично понимаете, это невозможно.

— Перечитай? — улыбнулся монах, снова заноса свое орудие. — Думаешь, твои жалкие фокусы тебя спасут? Даже с магией крови ты не тянешь на могучего колдуна, оставаясь тем, кем родился. Слабеньким ведьмаком. Только дернись, и стража нашпигует тебя стрелами.

— Угу, — согласился с ним я, заставляя кровь на лице еще больше уплотниться и пытаюсь сотворить похожую броню по всему телу. Проклятье! Тяжело! Долго такой нагрузки не выдержу. Минуту, может, меньше, а то просто свалюсь! — Но успеешь ли ты это увидеть? И кстати, а где твой круг? Не жжется ли он?

— Что? — опешил монах, не ждавший такого поворота.

— Символ Отца Времен, — пояснил ему я. — Такая, знаешь ли, освященная штукавина. А то чем больше смотрю на это чудное место с его обитателями, тем больше мне кажется, что истинного автора такой, как штрафной легион, затеи зовут Сакраеш. Вокруг холодно, люди должны умирать ради гордыни и алчности власть имущих, священники этому способствуют...

— Да как ты смеешь! — гулко бухнул второй монах, и меня просто смело в сторону. Жутко болела челюсть. Ударил с ускорением, сволочь. Одна надежда, его кулак мог пострадать сильнее, чем моя щека.

— Пока все очень похоже, — пожал плечами я, не делая попыток встать. — Согласись, все признаки на лицо. К тому же слугу давней союзницы Отца Времен, в которую верили основатели Древней Империи, убить обещают. Закрадываются подозрения: а не появится ли скоро у Бейла Жестокого коллега? Тот, помнится, тоже человеком был когда-то, а теперь хозяин ударной силы зла, командир ледяных легионов и архидемон. Да еще и жрецом светлого божества являлся? Только вот какого не припомню. Не повторяется ли история? Убей меня ни за что и будь уверен, не упущу возможности нажаловаться с того света вестникам. Чтобы приглядели за смертными слугами своего господина, не предали ли они, тщательно ли исполняют все заповеди веры, ну и так далее.

— Стража! — заорал монах с плеткой. — Сорок плетей ему за богохульство! Сдохнет — не жалко. А если нет, договорим позже. И вот мой священный круг!

Мне под нос была сунута деревяшка правильной формы. Держал ее церковник не морщась. Да и в ауре руки возмущений видно не было. Значит, наверное, не предался демонам. Просто скотина. А вестники, как в этой

реальности называют ангелов, все-таки изрядные лентяи, если на них такая мразь работает. Или лицемеры.

Легионеры подходили ко мне как-то несмело. Ах да, на лице же кровавая маска. Я убрал ее. Силы еще пригодятся. Интересно, получится ли при порке создать у себя под кожей нечто вроде подушечки из энергии жизни? Снаружи-то можно, но там монахи заметят и рассеют. Где-нибудь на середине процесса, чтобы все заново начать. Они, уверен, будут наблюдать за наказанием. Нет, среди верующих в Отца Времен полно нормальных людей, но эти двое к ним явно не относятся.

— Куда идти? — спросил я у ближайшего стражника.

— За мной, милорд, — почему-то причислил он меня к лику благородных. И пошел вперед, даже не оглядываясь. Действительно, зачем? По бокам же есть его товарищи. И арбалетчики неподалеку смотрят с интересом, крепко держа ложа своего оружия. А кто это чешет нам навстречу? Никак сам центурион?

— Так-так, что у нас тут такое? Бунт? — начал было Глай Цекус громовым голосом, но вдруг зацепился своим взглядом за мое лицо и сбился с мысли. Татуировка на щеке едва ощутимо потеплела.

— Теологический диспут, — решил не молчать я. Ну нет у меня привычки любой ценой держать язык за зубами. Не вбили ее пока. Хотя, кажется, скоро это упущение будет исправлено к вящему торжеству добра и справедливости. — К сожалению, меня можно признать в нем проигравшим.

— Брат Тензор. Брат Холлер. — В голосе офицера прорезался металл. — Вы опять?!

— Он использовал против нас зловерное чародейство! — ничуть не смутился монах. — Все видели!

— Поверю на этот раз, — подумав, решил центурион. — Но вы скоро перегнете палку. Не мне вам говорить, что многие из высшего командного состава происходят

из древних аристократических семей. А там еще чтят морскую богиню.

А не из них ли он сам? Как-то божественная отметка на него странно реагирует. Он ей как будто бы... нравится?

— Еще раз нечто подобное устройте, — решил военный, — и попрошу о вашей замене, услав в главный лагерь с первым обозом. Пусть лучше на недельку часть останется без капелланов, чем с такими пастырями. И я ничуть не удивлюсь, если после этого кое-кого пошлют проповедовать гоблинам.

Церковники дружно скривились. Опа, видно, сюда действительно сослали все сливки общества. Интересно, а за что самому Глаю Цекусу досталось командовать подразделением, предназначенным в прямом смысле для убоя?

— Иди, — осторожно ткнул меня в спину какой-то солдат. Впрочем, по сравнению с остальными подобными стимулирующими приемами его поступок выглядел едва ощутимым жестом вежливости.

Идти оказалось недалеко. У стен двухэтажного строения виднелось нечто вроде лобного места. Во всяком случае, плаха и виселица были. А палач где-то прятался. Отлынивает от работы, паршивец.

— Снимай свои тряпки и берись за те кольца, — указал мне солдат на поначалу не замеченные ржавые металлические кругляши в стене.

Едва мои руки коснулись их, как тело окутало какое-то светлое заклинание, не позволяющее шелохнуться. И колдовать стало ощутимо сложнее, кожу на спине жгло, причем изнутри, а воздух, врывавшийся в легкие, в одно мгновение ока из весьма прохладного стал раскаленным.

— Магию крови, увы, целиком заблокировать такими грубыми инструментами невозможно, — будто извиняясь, сказал тот самый монах с плетью, внезапно оказав-

шийся сбоку от меня. Сейчас, правда, свое оружие он сменил на нечто другое, больше напоминающее кнут с тремя хвостами. — А просить испытывающего муки чародея от нее воздержаться бессмысленно, ибо дух редко может противиться позывам плоти.

— Но силами, дарованными Отцом Времен своим верным слугам, ее можно ослабить, — жизнерадостно сказал его коллега. Жар разом усилился раз в пять, а то слабое подобие волшебной брони, которое будто само собой образовалось на спине, вообще исчезло как дым. — Раз в десять. Кстати, наказания в учебном легионе осуществляют обычно товарищи провинившегося, но в особых случаях, связанных с опасностью попасть под проклятие, за жесткое, но необходимое дело приходится братья капеллану.

Первый удар, обрушившийся на спину, заставил меня сквозь зубы замычать от боли. Помнится, к двадцати плетям, полученным в тюрьме, прилагался сорванный голос. Кажется, сегодня вечером с остальными обитателями барака придется общаться шепотом.

Новый удар лег, как показалось, почти в то же место, и мой рев, отразившись от стены, ушел обратно. Возможно, все сорок я и не выдержу. Просто сохну.

ГЛАВА 2

Спина болела. Никаких следов на ней уже не осталось, если верить ощупыванию, применяемому за неимением зеркала, но тем не менее нет-нет да и простреливали в мышцах ноющие всполохи жалкого отголоска испытанных во время наказания ощущений. Интересно, бывают артефактные предметы палаческого ремесла? Надо будет к той плети получше присмотреться при

случае. И при встречах со священниками молчать. Или убивать их сразу.

— О чем задумался, колдун? — спросил меня якобы незаметно подошедший со спины Весло.

Главарь какой-то организованной преступной группировки, даже в заключении сохранивший достаточно влияния и денег, чтобы всегда иметь оружие и вино, явно намеревался расставить все точки над «и». Иначе зачем ему два десятка сопровождающих? У половины ножи, у остальных нехитрый шанцевый инструмент. Котлован, призванный послужить основой для будущего храма, неуклонно расширялся уже третий день. Совсем недавно, буквально полчаса назад, число жертв среди заключенных, погибших при его строительстве, достигло пяти. Какой-то старик умер, судя по симптомам, от сердечного приступа. Может, если бы увидел его агонию, смог бы помочь магией, вот только сквозь плотную толпу инцидент разглядеть не удалось. А когда над лагерем разнеслись громкие матюги охраны, которая с нас не спускала глаз, было уже поздно для целительной магии. Некромантию же вряд ли одобрили бы. Да и не уверен, что жалких остатков магической силы хватит, чтобы поднять труп. Во всяком случае, если не использовать какой-нибудь длительный ритуал.

— Меня зовут Алхимик, — ответил я, решив оставить свое имя при себе. — А ты Весло.

— Ну, значит, разводиться политесы нет нужды, — хмыкнул главарь, понемногу подминающий под себя всех людей в бараке. Впрочем, несколько полукровок и квартеронов иных рас среди них тоже имелось. В целом ожидаемое развитие ситуации. Сходство земных эков и их коллег из иного мира составляет процентов девяносто. Вот только в здешних тюрьмах специального уголка для голубых нет. Ибо это порок, а порок — вотчина архидемона, известного среди смертных как Многоликая. На-

ложница повелителя зла Сакраеша, судя по прочитанным книгам, весьма активная особа в своей сфере деятельности. И тех, кто становится ее паствой, священники мигом подвергнут церковному покаянию, призванному объяснить разницу между мужчиной и женщиной. Если не поможет — колесованию с последующей заупокойной молитвой о свернувшей не на тот путь душе. А не то получат вместо зоны рассадник жутких тварей, для которых люди лишь интересные и вкусные игрушки. — Мы в одной лодке, понимаешь?

— Угу, — кивнул я. Ссориться здесь и сейчас с бандитом глупо. Во-первых, всю его кодлу мне просто не перебить. Сил не хватит. Во-вторых, устрою бойню — охрана прикончит. На одиночные трупы она смотрит как на неизбежное зло при массовой концентрации преступных элементов в одном месте, но вот массовая гибель людей, которых чуть позже должны организованно перебить легионеры, в планы армейского командования не входит. — Готов занять в ней должность судового лекаря. Вот только слишком наглые пациенты заснут и не проснутся, даже будучи абсолютно здоровыми.

— А не много на себя берешь, так дерзко разговаривая? — хмыкнул один из его помощников по прозвищу Шнырь. — У нас и собственные колдуны имеются. По слабее сдохшего Черма, зато их больше.

— Вижу. — Мои глаза уставились на двух из шайки, в аурах которых имелось некоторое количество магической энергии. У одного из них способности были больше моих раза в два. Вот только их обладатель, напоминающий улыбчивого борца сумо, лет десять назад забросившего спорт и подсевшего на фастфуд, даже на скудной баланде умудрившийся не сильно сбросить вес, впечатления опасной личности не производил. Как он ходит-то с такой массой сала, пригибающей к земле? Хотя, вполне возможно, внешность обманчива и этот тип спортивно

сложенного гепарда догонит и на ходу сожрет. Магия может многое. Второй же, судя по виду, являлся типичным представителем чародеев класса «знахарь сельский». Бородатый мужик, с немалым размахом плеч и заскорузлыми ладонями, всю жизнь проведенный у сохи или где-то рядом. К тому же среди бандитов он чувствовал себя явно неуверенно и нет-нет да и косился на них с опаской. — Вот только ни один из них не является жрецом морской богини. А мы лечим все, кроме смерти. Но и берем за свои услуги дорого.

— Что правда, то правда, — радостно согласился толстяк. Кстати, в его ауре имелось достаточно много красных тонов, вероятно, парень хорош в магии огня. — А еще слабых духом среди вас нет по определению. Легионы Древней Империи считались непобедимыми вовсе не из-за благословления Отца Времен. Увы, но в современном обществе к представителям иных верований относятся куда хуже, чем сотни лет назад.

— Сала кусок, — процедил сквозь зубы Весло, — заткни пасть! Или будешь набивать ее только пустой кашей, да и то через день!

Угроза действие возымела, и жиртрест замолк, старательно выделывая гримасы, которые, вероятно, должны были расшифровываться как «Никто меня не любит» и «Давайте дружить!». Получалось на редкость выразительно. Впрочем, у него одни только брови на полкило потянут, а потому в доходчивости мимических движений, совершаемых столь развитым органом, нет ничего удивительно.

— Короче, ведьмак, — решил взять быка за рога главарь, — будешь слушаться меня, и все у тебя будет хорошо. Выпивка, мясо, баб скоро подвезут, если нам давеча не наврали. А нет, ищи себе место в другом бараке. Прямо сегодня.

— Ты всерьез думаешь, будто там будет кто-то не похожий мордой на переболевшего проказой покойника? — хмыкнул я, наблюдая как бандит тискает оружие на своем поясе. — Ладно, не кипятись. Согласен. Нас тут скоро будут убивать, и, чтобы выжить, надо держаться вместе.

— Почему не работаем? — раздался голос охранника, который стоял в некотором отдалении с арбалетом на изготовку. — Плетей захотели?!

Вместо ответа Весло бросил ему медную монету. Откуда он ее извлек, просто не представляю. Конфликт исчез, даже не начавшись, но легионер никуда уходить и не подумал. Видимо, ждал возможности для следующей подачи.

— Значит, договорились, — продолжил наш разговор как ни в чем не бывало бандит. — Что ж, вот и хорошо. Чем могут быть полезны жрецы морской богини, мне известно, лечил один такой шайку по соседству лет пять назад. Чуть ли не из кусков их собирал, как было, пока какой-то пьяный идиот ему кишки не выпустил. Что ж, значит, сегодня будешь сидеть и спать в бараке рядом с нами. Попробуешь своевольничать — убью.

Это не прозвучало как угроза. Скорее как констатация факта.

— Попытаешься, — согласился с ним я. — Может, и сумеешь. Как повезет.

Люди вокруг работали, опасливо косясь в нашу сторону. Большая их часть не понаслышке знала, что наиболее жестокими к нижестоящим бывают те, кто ближе всего к ним находится.

— Какие у тебя разногласия с церковниками? — спросил толстяк, не меняя на лице улыбчивого выражения, будто разговаривал о погоде. Или скорее о способах приготовления шашлыка и особенностях маринада. — Ду-

мал, они тебя запорют. Ан нет. На своих ногах, правда, не ушел, но пришел в норму почти моментально.

— Козлы они просто, — пожал плечами я, сказав чистую правду. Вряд ли преступники могут быть искренне верующими в Отца Времен. С их работой прямая дорога в местный ледяной ад и никуда больше. — К тому же магов крови убить хоть и можно, но сложно. С нами, как с живыми покойниками, целиться лучше в голову. Ну, про меня, смотрю, и так всем все известно, а вы чего можете? Думаю, когда легионеры начнут на нас учиться, придется применять чары вовсю, чтобы спасти побольше жизней и просто уцелеть. У них ведь тоже по штату какие-то волшебники наверняка полагаются.

— Да, о мясе, — Весло с видимой брезгливостью оглядел людей вокруг, — придется заботиться. Чем больше людей будет между нами и клинками, тем выше шансы. Ладно, колдуны, вы тут общайтесь, а я пойду покемарю. С собой в тепло позову, когда заслужите.

И потопал в сторону барака вместе с наиболее доверенной частью своих прихлебателей, а оставшиеся разбрелись по стройке и стали делать вид, будто работают, а сами просто прогуливались между долбящими мерзлую землю людьми. Естественно, попасть в барак вожак бандитской шайки смог не забесплатно. Еще одна монета поменяла владельца.

— И откуда у него столько денег, — пробормотал я, глядя вслед главарю. Теперь уже, кажется, и моему. — Ну ладно, в тюрьме мог сохранить пару монет от стражников... но ведь сорит ими так, словно у него целая сокровищница за щекой спрятана. Неужели артефакт со свернутым пространством имеет?

— Все проще, — жизнерадостно поделился информацией колобок. — Его люди подкупили одного из офицеров чистым золотом, и тот регулярно выдает Веслу маленькую его часть на мелкие расходы, чтобы случайная

проверка начальства или чьи-нибудь ловкие пальцы все-го разом не лишили.

— Занятно, — произнес я, впрочем, без особой заинтересованности в голосе. Средства-то у меня были, но вот только остались они на попечении нанятой в качестве слуг семейной пары, родителей потенциальной ученицы. В другом государстве — самой вероятной цели Империи в медленно, но неуклонно надвигающейся войне. — Что ж, может, расскажите о себе? Я-то жрец морской богини, как видно по отметине на морде, владею как обычными заклинаниями, так и магией крови. И то и другое не слишком хорошо. Сюда попал на четыре года из-за того, что один мой друг перешел дорогу очень влиятельной личности. — Вернее, наставил рога. Архидемону. Увел у него одну из шести потенциальных любовниц. Вот только говорить об этом не стоит. Пусть лучше грешат на дворян с их интригами или прочих сильных, но вполне привычных мира сего. — Рикошетом и всех причастных зацепило, — решил добавить я, немного подумав. — Некоторый боевой опыт имею, в ближайшем будущем планирую как минимум выжить, а для того нам лучше знать друг о друге как можно больше. И научиться взаимодействовать. Толпа одиночек против хорошо скоординированных легионеров шансов иметь не будет.

— Получили силу в дар от покровительницы? — заинтересовался толстяк. В щелочке между щеками и бровями его глаз видно почти не было. Даже о цвете их оставалось лишь гадать. Волосы же были достаточно светлыми, почти белыми. — Оттенок у нее какой-то нехороший. Как у тех некромантов, которые трупы потрошат, чтобы сильнее стать. Я Фреддо, купец из Игхольма, ну вернее, был таким раньше. С детства огнем баловаться люблю, это у нас семейное, как и тучность. В молодости, понятное дело, в гильдию попал, в Таинственный лепесток. Слыхали? Нет? Ну, она маленькая. Там паре фокусов на-

учили, но великого чародея из меня не вышло. Так, среднее нечто между ведьмаком и магом. По пьянке пару месяцев назад одного урода благородного поджарил, который кулаками махать вздумал, тоже нализавшись в дымину. Не насмерть, но красавчиком ему больше не быть. Вот только он средний сын графа, а я так, купчишка. За то и угодил в учебный легион на два года. Так-то я мирный... когда трезвый. Оружия сроду в руках не держал, на то телохранители имеются.

— Гларк-кузнец, — представился слабенький чародей, похожий на обычного крестьянина, подозрительно буравя меня взглядом из-под густых черных бровей, совпадающих по цвету с глазами и волосами. — Спалил свой дом и всю деревню. Случайно. А потом секирой порезал человек десять, которые меня на вилы поднять хотели. Разбойником стал, пока не поймали. Тоже четыре года. Травки знаю, со зверьми могу договариваться, ну и так, кой-чего по мелочи. А ты, сдается мне, все же разграбитель могил и есть самый настоящий. Видел я таких уже.

Толстый волшебник от его слов вздрогнул и немного отодвинулся. Интересно, что бы он делал, останься у меня прежняя аура, от которой аж сигнальные амулеты против нежити срабатывали? Бежать кинулся?

— Ну, в общем, близко. — Я решил сказать почти правду про обретение способностей к колдовству. — Повезло как-то оказать услугу одному очень-очень сильному темному магу. За то и силы немножко от него получил, которую тот с трупов собирал со всеми вытекающими. Но сам, увы, нужный для этого ритуал не знаю. А то бы, чувствую, светила мне по окончании службы в этом учебном легионе мантия архимага. Ну или в чем они там ходят.

— Ага. — Фреддо растерянно огляделся вокруг и зябко повел плечами. — Ну и чего делать будем? Еще немного,

и охрана нас погонит землю долбить. А неохота. Брр! Холодно.

— Ты же огненный маг, — удивился я, промолчав про то, что с такой-то жировой шубой мерзнуть при температуре, не сильно отличной от нуля, просто неприлично. Моржи, не те, которые закаливаются, а ластоногие, с подобным утеплителем вообще купаются, гоняя пингвинов и прочую редкую в Антарктике живность. — Согрей вокруг себя воздух. Кстати, а почему вас тот припадочный не тронул? Или это мое лицо у него вдруг вызвало приступ бешенства?

Бывший кузнец и разбойник что-то неразборчиво буркнул себе под нос и, развернувшись, демонстративно начал проталкиваться к противоположному концу стройплощадки. Разговаривать он явно не хотел. По пути поджигатель собственной деревни отобрал у какого-то заключенного его деревянную лопату, лишь немного окovanную железом по краю. Видимо, между нами и тяжелой физической работой выбор с его стороны был очевидным.

— Ну, мне повезло чуть-чуть владеть эмпатией, — пожал плечами толстяк. — И потому я успел зажечь огненный шар раньше, чем он ко мне подошел. И не соглашался его рассеивать, несмотря ни на какие угрозы, пока Черм не убрался обратно. Возможно, ночью он бы повторил попытку, но ты попал в барак раньше. Брр! Нет, ну тут же невозможно находиться! Легионеры совсем спятили? Не понимают, что мы просто замерзнем?

— Да не так уж и холодно, — возразил я, мысленно прикидывая участок, на котором можно будет устроиться работать с максимальным комфортом, спрятавшись за чужими спинами от охраны. После союза с главарем шайки коллег по несчастью вроде бояться нечего: опасного колдуна они не тронут без очень веской причины, каковой отлынивание от общего дела вряд ли считается.

Конечно, арбалетчики со стоящей неподалеку вышки бездельника увидят, но стрелять все же не будут. А уж спускаться, чтобы лично дать ему пинка, тем более. — И потом, повторюсь, магией греться можно.

— Смеешься? — неверяще уставился на меня Фреддо. — Нагретый воздух быстро улетучится, здесь же нет стен и крыши, способных задержать тепло. Не холодно ему... Да на таком морозе зуб на зуб не попадает! Хотя да, ты же темный, да еще с силой смерти. Вас холод и тьма почти не трогают. Ворон ворону, как говорится, глаз не выключает.

— Ну, не так уж я и силен. — Возможно, нечто в его словах и есть. Во всяком случае, раньше темная магия для меня и моих друзей была практически неопасна. Хотя тот же Алколит мог превратить человека любым ударом, которыми обменивались на тренировках, в лужу дурно пахнущей слизи. — А знаешь, есть одна идея, как и не напрягаться особо и вроде как при деле быть. Тем более пламенем тоже чуть-чуть владею. Самую капельку. Давай вдвоем воду разносить, вроде там легионеры небольшой бочонок для жаждущих притащили с парой черпаков, к нему прицепленных.

— Да кто сейчас пить-то будет? — удивился толстый волшебник. — Холодно же.

— От большинства пар так и валит, — кивнул я на работников кайла и лопаты, — а значит, в горле у них скоро пересохнет. И потом, мы ее подогреем. Каких-нибудь травок в ней заварить, увы, не получится, но вот от пары глотков кипятка, думаю, на морозе никто не откажется.

Таскать тару между заключенными, к счастью, не пришлось. Они, едва лишь завидели поднимающийся над водой парок, сами к ней поспешили. Видимо, на улице действительно было холоднее, чем казалось организму пусть и слабенького, но темного мага. Зато вот по рукам я бил часто, много и больно.

— А ну убрал грабли! — Судя по цвету кистей, стоящему передо мной мужику звероватого вида пересадили руки выходца откуда-то из глубин Черного континента. У негров, которые живут на его берегах, они все-таки по-светлее, знаю, попадались такие в Колоне, и не сказать, чтобы совсем уж редко. Хотя, возможно, донором просто дроу послужил. — Это тебе не баня.

— Что я вижу. — (Не понял, эти два священника откуда еще за моей спиной взялись? И почему они вечно парой ходят?) — Верным детям Отца Времен какой-то колдун из язычников запрещает омыть тело свое?

— Как вы могли такое подумать, — зло оскалился я прямо в лицо монаху. Спину прострелило фантомной болью. — Напротив, предостерегаю его, чтобы не обварился невзначай. Кипяток практически. Чуть не все силы потратил.

Резерв ауры и правда опустел после того, как литров пятьдесят воды начало булькать. Впрочем, если бы не помощь Фреддо, даже сейчас не отпустившего стенку бочонка, — якобы он время от времени подогревал жидкость, а на самом деле грелся сам, — я бы заставил его содержимое лишь чуть-чуть потеплеть. Магия огня всегда давалась мне очень тяжело.

— Похвально, похвально, — покивал головой тот из них, который владел святой магией, и наложил на бочонок какое-то заклинание. Чернильная клякса, расплывшаяся от сунутых в теплую воду пальцев, мгновенно осела куда-то на дно. Кажется, теперь любые примеси будут оседать куда быстрее, чем положено им природой. — Но нет в лице твоём смирения, должного для того, кто грехи отпускает. Пять плетей.

— Святой отец, — вздохнул, я проклиная собственный язык. Кажется, святоши задались целью меня сломать. — А вы во время учений-то в рядах будете? Ну, хоть с какой-нибудь стороны.

— Увы, — поднял взгляд к небесам монах. — Забота о душах, погрязших во грехе, не даст полноценно исполнять обязанности капеллана, кои вместе с солдатами на битву шагают. Пройди к месту наказания, неверный, пока еще плетей не добавил.

— А может... — начал было его товарищ, но увидел мой взгляд и передумал. Охрана-то, конечно, поднявшего бунт заключенного убьет на месте, но вот священник, находящийся от него в двух шагах, да еще к тому же сам лично колдовать не умеющий, за торжеством справедливости будет наблюдать скорее всего уже с небес.

— Еще один вопрос, — вздохнул я, припомнив единственного знакомого, теоретически способного разобраться с данной проблемой по своим каналам. — Если захочу к одному из святых Отца Времен обратиться, как это лучше сделать? Речь про Феона Своевременного идет.

Может, хоть он поможет зарвавшимся уродам к порядку призвать? Прибью ж их на фиг! Или они меня. Не сегодня, так завтра. Должен же прозорливый алкоголик с крыльями проявить заботу о нижестоящих, и потом, пили все-таки вместе. Да и письма с Земли он доставил мне и моим друзьям в награду за спасенную от пиратов историческую реликвию лично, хотя никто его об этом не просил. Просто не знали про такую возможность. Жаль только, дальнейшие попытки установить с ним контакт упорно игнорировал, но, может, хоть теперь откликнется?

— Ты? — удивился монах, владеющий святой магией.

— Я, — покорно согласился я с ним, прислушиваясь к татуировке на щеке. Она недовольства не выказывала. Хотя не может же богиня или кто там от ее ведома жрецами командует мониторить их постоянно. — А разве подобное запрещено?

— Нет, — покачал головой церковник. — Но просто... просто... бессмысленно! Ни один святой никогда не

снизойдет до неверующего, тем более если он слуга пы-
жащейся стать на одну ступень с истинным богом демо-
ницы!

— Как знать, — пожал плечами я. — Один раз срабо-
тало. И потом... А ладно, лучше промолчу. Время нас
рассудит.

— О да. — Странно, но монах вдруг успокоился. На-
верно, решил, будто бы мне пришлось косвенно при-
знать превосходство его покровителя над владычицей
морей. — Икон святого Феона у нас нет... Мне кажется,
их вообще не существует.

— Портрет я как-то видел, — решил добавить я, заме-
тив впереди площадку, откуда вчера едва ушел, и рефлек-
торно замедляя шаг.

— Вперед, — подтолкнул меня в спину церковник, ни-
когда не расстающийся с плетью. Кажется, он остался ра-
зочарован результатом. Если бы шрамы не успели за-
жить, то сейчас раны быстро бы передали в голову непе-
редаваемые ощущения от лишнего раздражителя. —
Простое изображение — это совсем не то. Но молитву,
обращенную к святым, достойным стать верными по-
мощниками и слугами Отца Времен, мы тебе, конечно,
подскажем. Это, в конце-то концов, наш долг.

Едва руки легли на уже знакомые отметины в стене,
как магия опять как будто испарилась, а зубы сцепились
намертво. Помогло. Во всяком случае, ни разу так и не
закричал. А громкое шипение не считается. Хотя, если
бы по нему проводились конкурсы, то занял бы первое
место, далеко оставив всех гадюк, вместе взятых и в пу-
чок связанных. Пока я приходил в себя, шатаясь от пере-
житого, священник, скручивающий плеть и убирающий
ее за пояс, быстро протараторил себе под нос какую-то
невразумительную абракадабру в темпе, больше достой-
ном профессионального рассказчика скороговорок.
Ускорился, паразит. Видно, уж такую-то малость ему по-

зволяет сотворить священный круг, висящий на шее. Или просто напарник помог.

— Запомнил? — осведомился он и, не дожидаясь моей реакции, пускай и отрицательной, сам себе ответил: — Нет? Ну, так и думал. Староимперский — очень сложный язык. Увы, но сегодня больше с тобой возиться недосуг. Но если ты еще раз провинишься, то, конечно, урок будет повторен. Молиться, кстати, можно прямо там, где землю долбить будешь. Пусть храма еще нет, но его фундамент — тоже место подходящее. В древности там, кстати, имели привычку самых поганых работников и замуровывать.

И ушел, похохатывая от собственного остроумия, вместе с товарищем. А меня к месту копания могилы, то есть, тьфу ты, будущей часовни, повели конвоиры с арбалетами в руках. Вечно хмурые они, заразы, и весьма роботов общей эмоциональностью напоминают. Хотя живые люди, уж подмену, надеюсь, даже в таком состоянии заметили бы. Наверное, с ними какой-нибудь особый тренинг проводят. Или подбирают в подобное спецподразделение одних отморозков.

Вернувшись обратно к бочке, я увидел жутко расстроенного Фреддо, неумело тыркающего в землю кайлом просто затем, чтобы согреться. Святая магия рассеялась, и в емкости, куда всякие разные чересчур умные личности совали грязные руки, снова плавала муть. А менять воду легионеры считали ниже своего достоинства. И партию из добровольцев-заключенных к ручью или колодцу, ну, словом, первоисточнику жидкости, отправлять отказывались наотрез.

— Алхимик, — едва не плача заканючил толстяк, стояло мне лишь остановиться рядом с ним, — ну ты же маг крови. И жрец морской богини к тому же! Сделай что-нибудь!